НОВЫЙ ПОДВИГ В КОСМОСЕ

СЛАВА ОТВАЖНЫМ СЫНАМ ОТЧИЗНЫ!

14 И 15 ЯНВАРЯ — новые знаменательные даты, связанные с покорением космического пространства. В эти дни были запущены в космос советские корабли «Союз-4» и «Союз-5».

Далеко от земли сложную программу выполняли четыре дорогих сына нашей Родины: Владимир Шаталов, Борис Волынов, Евгений Хрунов и Алексей Елисеев.

Новый выдающийся эксперимент, проведенный ими в космосе, — ручная стыковка кораблей, создание на орбите — впервые в мире! — космической станции, выход двух космонавтов — Е. Хрунова и А. Елисеева в открытый космос и переход в другой корабль — не могут не восхищать.

Это блестящее достижение, открывающее пути к качественно новым шагам в освоении космоса, подтверждает широкие возможности советской науки и техники.

Весь мир с огромным вниманием и интересом следил за каждым сообщением о самочувствии космонавтов, о ходе выполнения космических заданий, о работе бортовых систем кораблей, знакомился с биографиями героев.

Интересна судьба космонавта. Многие месяцы и годы напряженной, целеустремленной работы, жизнь, скрытая от миллионов глаз. И вот — Москва, Красная площадь, последние слова перед стартом в Байконуре, взлет. И начинается как бы новая жизнь. Космонавт весь уже принадлежит народу, славе. И невольно его имя, его жизнь, многие ее подробности становятся достоянием всех, кто затаив дыхание следит за полетом, кто прямо или косвенно создавал эти замечательные космические корабли, вместе с кем космонавты — отважные сыны Отчизны — делают былью самые дерзновенные мечты человечества.

Слава новым героям космоса!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пульс

Орган парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома 1-го Ленинградского медицинского института имени акад. И. П. Павлова

№ 3 (1327) | Понедельник, 20 января 1969 г. | Год издания 40-й | Цена 1 коп.

ПЕРВЫЙ РУБЕЖ

НЕОРГАНИЧЕСКАЯ химия для студента медицинского института, будущего врача, — важная ступень к познанию процессов, происходящих в организме.

Без знания химических законов невозможно понимание физиологии, гигиены, фармакологии, да и, если вдуматься, почти всех дисциплин, изучаемых в медицинском вузе. Так или примерно так ориентирует первокурсников на вводной лекции заведующий кафедрой неорганической химии Е. А. Максимюк. С первых же шагов студент узнает, что железо входит в состав гема, хлор — в состав желудочного сока, кобальт — в состав витамина B_{12}. Так медицина становится сущностью предмета, ставя под сомнение правомерность термина «Неорганическая химия».

И вот сегодня на экзамене идет проверка знаний, полученных за весь семестр. В общем, результаты как будто неплохие. За три дня экзаменов — 59 «отлично», 77 «хорошо», 41 «удовлетворительно».

Ответы некоторых студентов великолепны, например Володи Рыжова (124 гр.). Володя окончил сельскую школу в Пензенской области. Он медалист. На его листке четко выписаны формулы, никакой «беллетристики». Обстоятельно объясняет он, что такое потенциал ионизации, в чем физический смысл побочного квантового числа, как получают кислород космонавты и подводники, какова роль фосфора в биологии. Чувствуется, что для Володи неорганическая химия стала «плотью и кровью».

А вот другой медалист (!) — М. Хубелашвили (119-я гр.). Он видимо, решил, что утруждать голову «неорганикой» — непозволительная роскошь. Взамен он принес на экзамен красивую толстую тетрадь в красной обложке (по принципу «Все мое несу с собой»). Когда Хубелашвили был уличен, то в оправдание заявил: «Ведь я же еще не успел списать!» Теперь у него будет время для ознакомления с содержанием тетради: экзамен придется сдавать уже после каникул.

Не повезло П. Бабенко (121-я гр.), но чувствуется, что материал он знает, только не все еще встало в его голове на свои места. Надо надеяться, что вынужденное повторение окажется более удачным.

В целом набралось 15 двоек на 16 групп.

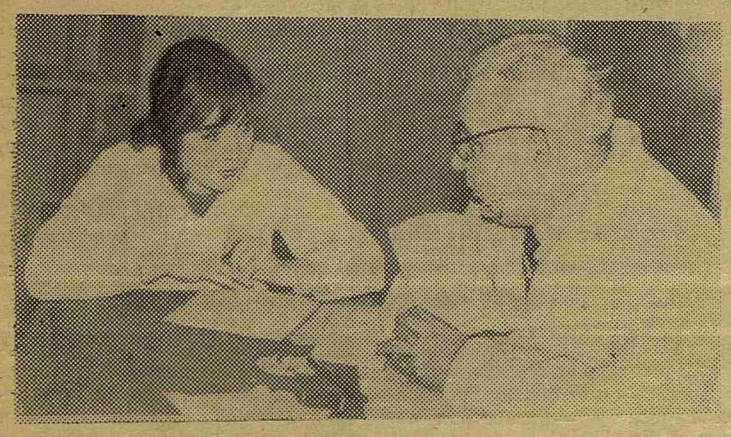
Хочется отметить, что экзамен идет в спокойной и доброжелательной обстановке, четко организован. Среди «болельщиков», толпящихся у дверей кафедры, — смех и шутки, а это первый признак хорошей атмосферы.

Курс сформировался только полгода назад. Делать о нем какой-нибудь определенный вывод пока трудно, однако декан Л. С. Сарочинская считает, что на 500 студентов 50 недопущенных к сессии — цифра еще не катастрофическая. Большинство из этих 50 не имеет одного-двух зачетов. Правда только у 11 человек задолженность возникла из-за болезни, у остальных — неуважительные причины. Наибольшее число должников на кафедре латинского языка — 25 человек. Странно, что латынь оказалась более трудной для усвоения, чем анатомия, но факт остается фактом.

Если у большинства недопущенных к сессии один-два, редко три «хвоста», то М. Берновский (131-я гр.) оказался уникальным: у него не сдано восемь зачетов. Трудно понять таких людей: в то время как сотни абитуриентов штурмуют стены нашего института, Берновский дважды сдает вступительные экзамены на «отлично» и дважды становится студентом. По мнению декана, он обладает хорошей памятью и определенными способностями. И вот опять, как и в прошлом году, — «хвосты». В чем же дело? Все же в 19—20 лет можно быть более ответственным за свои поступки.

Таковы общие черты первой сессии у студентов набора 1968 года по состоянию на 15 января. Хочется пожелать им не снижать усилий, наращивать их и успешно дойти до далекого еще финиша.

В. БАБИНИНА



Разговор, как видно, не из легких. Но исход его для студентки 141-й группы Т. Тимушевой был вполне благополучным: Е. А. Максимюк поставил в ее «зачетке» первое «отлично».

Сессия глазами шестикурсника

Доброжелательность плюс требовательность

НА дворе зима. Холодно. А в аудиториях института жарко. Не из-за заботливости АХЧ. Сессия.

Шестикурсников провожают завистливыми взглядами. «Счастливые, экзаменов-то не сдают!» Но ведь «счастье — это каждый понимает по-своему». Многим из нас, шестикурсников, сейчас грустно. Отсутствие зимней сессии — прозрачный намек на близкий финиш. И даже «Пульс», спрашивая у нас, как мы сегодня воспринимаем слово «сессия», тоже намекает.

Для возобновления старых, но не забытых ощущений идем на экзамен к четверокурсникам по оперативной хирургии. Сегодня эта кафедра самая близкая для нас, в буквальном и переносном смысле: специализируясь по хирургии, мы проходим здесь двухнедельный цикл.

Первое впечатление: экзаменаторы за последние два года стали добрее. Впечатление второе: знания экзаменующихся стали выше, чем были у нас. Но, как выяснилось позже, и первое и второе были все-таки первыми впечатлениями. Кафедра осталась верной своим прежним традициям: доброжелательность плюс требовательность.

Экзаменуется 402-я группа. Студентка Г. Захаренко уверенно рассказывает об оперативных доступах, о топографии верхнего и нижнего этажей брюшной полости, об обнажении лучевого нерва на плече и перевязке внутренней грудной артерии. О. П. Большаков с заметным удовольствием вписывает в зачетку Галины «отл.».

Тот же вопрос об оперативных доступах — в билете у студента Дьяченко. Начал он хорошо, дал правильное определение доступа, перечислил несколько основных принципов. Экзаменатор просит перейти к следующему вопросу. Но Дьяченко упорствует: «Я могу еще про доступы». Получив «добро», переходит к практическим примерам и... безнадежно запутывается. Потом, так и не вспомнив, где же следует искать для перевязки лучевую артерию, очень приблизительно рассказывает о резекции тонкого кишечника и ничего — об операциях при хронической эмпиеме плевры. В результате — приглашение на повторную встречу.

Хорошо отвечали Аршук и Маклецова. Эти студенты «уловили», что основное достоинство ответа не в знании мелких деталей, а в умении самостоятельно разбираться в принципиальных и важных в практическом отношении вопросах. Кстати, нас этому учат с первого курса почти на всех кафедрах.

— Ну а что же сессия?

— А знаете, ничего! По-прежнему.

Так же, как и мы два года назад, «дрожат» перед дверьми экзаменатора ожидающие своей очереди студенты, так же тянут билет, отвечают и, в зависимости от полученной оценки, со счастливой улыбкой или без нее уходят. Уходят готовиться к следующему экзамену.

В. БЕЛЯЕВСКИЙ,
А. ПАКУНОВ,
Н. ГЛАЗЕНКО,
студенты VI курса

Для слушателей семинаров

Очередная лекция для слушателей теоретических семинаров по циклу «Борьба КПСС за единство коммунистического и рабочего движения» состоится 21 января в 16 часов в 5-й аудитории. Тема: «Коммунистическая партия Италии на современном этапе», читает доктор исторических наук профессор Б. П. Прицкер.

Неделя учебы профсоюзного актива

Местный комитет с 17 января по 5 февраля проводит занятия для председателей профбюро, профгрупоргов и руководителей секторов в профбюро.

22 января состоится занятие по теме «Организационно-массовая и финансовая работа»;

24 января — «Производственно-массовая работа и зарплата»;

29 января — «Основы трудового законодательства и трудовые споры, охрана труда и техника безопасности»;

31 января — «Культмассовая и спортивная работа»;

5 февраля — «Жилищно-бытовая работа и касса взаимопомощи».

Все занятия проводятся в 3-й аудитории, начало в два часа дня.

ЯНВАРСКАЯ СТРАДА

ИДЕТ пятый день сессии у студентов II курса. Кафедра нормальной анатомии. Взволнованные «болельщики» у дверей... На столах в большом секционном зале — масса препаратов. Экзамен одновременно принимают пять преподавателей.

Профессор А. В. Дроздова экзаменует 211-ю группу. В течение трех семестров группу вел ассистент А. К. Косоуров, теперь он характеризует ее как добросовестную, серьезную, всегда ровно занимавшуюся.

Отвечает студент А. Токарев; в его билете вопросы о строении, фило- и онтогенезе артериальной системы, о форме, строении, биомеханике, васкуляризации и иннервации тазобедренного сустава; о лимфатических сосудах и узлах голени и шеи, о срединном нерве. Рассказывает студент подробно, чувствуется хорошее знание препаратов, умение ориентироваться в них. Александра Васильевна ставит «отлично».

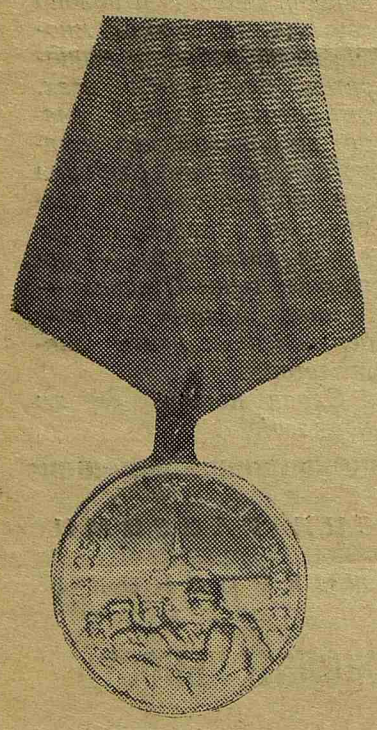
Отвечает В. Неразик. Он хорошо рассказывает о значении для развития анатомических знаний работ физиологических школ И. М. Сеченова и И. П. Павлова. Очень полно отвечает на вопросы о коленном суставе, его форме, объеме движений, о роли менисков, о связках, об иннервации и васкуляризации сустава, о строении и функции тройничного нерва. Ответ также оценивается на «отлично».

Профессор А. В. Дроздова осталась довольна группой, большинство студентов сдало экзамен на «хорошо» и «отлично» и только одна студентка получила неудовлетворительную оценку.

Очень хорошее впечатление у доцента К. И. Машкары осталось от 226-й группы (в течение трех семестров группу вела ассистент В. М. Крылова). Из 12 экзаменовавшихся 10 человек получили отличные оценки. Особенно хорошо отвечали студенты Н. Кузьмич и Чан-Ен-Сук.

Еще один трудный экзаменационный день закончился успешно. Из 58 экзаменовавшихся студентов получили отличные оценки 29, хорошие 20, удовлетворительные 6 и, к сожалению, 3 студента экзамена не сдали.

Ассистент Н. БОЙКОВА



ДОЛГ ВРАЧА

ПРОШЛО 25 лет, но этот день стоит в памяти, как вчерашний. Несколько суток непрерывно над городом стоял грозный гул артиллерийской канонады. «Стреляют наши!» Мы по звуку научились отличать вражеские пушки от своих. Госпиталь напряженно стал готовиться. И действительно, скоро стали поступать раненые, от которых мы узнали, что советские войска перешли в наступление на прорыв блокады.

Четко и слаженно работали все подразделения госпиталя: расширили приемный покой, развернули дополнительные операционные, увеличили число коек. Врачи, медицинские сестры и санитарки работали без устали по две, а иногда и по три смены кряду. Каждому хотелось хоть как-нибудь участвовать, хоть чем-нибудь помочь в решении исторической задачи.

Вся тяготы блокады, преодоление небывалых трудностей сплотили и закалили коллектив госпиталя. Скудные продовольственные пайки лишали персонал необходимых физических сил. Бесконечные бомбардировки и особенно прицельные (на госпиталь) артобстрелы выматывали и требовали огромного нервно-психического напряжения. При всем этом работа госпиталя не прекращалась ни на один день — все оставались на своих постах.

Всего в подробностях не расскажешь, но один эпизод мне особенно запомнился, потому что он как бы полон символического значения.

В морозную ночь февраля 1942 года начался сильный артобстрел нашего района. Госпиталь размещался в большом четырехэтажном здании. Как обычно, раненых с верхних этажей начали спускать в подвал-бомбоубежище и в первый этаж. В это время вражеский снаряд попал в одну из палат третьего этажа и там разорвался. Я с комиссаром госпиталя тут же поднялся в отделение, на место разрушения. К счастью, раненых успели вывести и никто не пострадал, но в отделении было все исковеркано. А за стеной, в операционной, как ни в чем не бывало шла большая хирургическая операция. Оперировал главный хирург госпиталя проф. В. Г. Вайнштейн, ныне член ученого совета нашего института. Никто, несмотря на опасность, не ушел из операционной, не покинул своего поста, пока не закончилась операция.

Так было всегда и везде. Советские медики в самых трудных условиях свято выполняли и, если потребуется, снова выполнят свой долг.

Заслуженный деятель науки РСФСР профессор С. ФРЕЙДЛИН, бывший начальник эвакогоспиталя Ленинградского фронта

К 25-ЛЕТИЮ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ

И ШАР ЗЕМНОЙ ГОРДИТСЯ ЛЕНИНГРАДОМ

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещенные блокадой.
Нас вместе называют — Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

О. БЕРГГОЛЬЦ,
«Февральский дневник»

ЧЕРЕЗ жизнь моего поколения прошла огненная грань — война. Для нас, ленинградцев, это была блокада, почти три года небывалых лишений, жертв, мужества и героизма, о которых с удивлением и восхищением говорил весь мир.

В сентябре 1941 года после первой бомбардировки жители Ленинграда увидели над городом огромный столб дыма. Мы еще не сознавали, что это — начало неслыханных наших лишений и несчастий; горели Бадаевские продовольственные склады.

900 ДНЕЙ МУЖЕСТВА

Фашисты быстро продвигались к городу. На заводах, в вузах, в учреждениях молниеносно формировались и уходили на фронт отряды народного ополчения. Тысячи добровольцев, не дожидаясь повесток о призыве, шли в военкоматы. Женщины и школьники рыли окопы и строили укрепления в нескольких километрах от города.

Ленинград погрузился во мрак затемнения. Нормы выдачи продовольствия быстро уменьшались, выдача хлеба служащим и иждивенцам снизилась до 125 граммов в день.

Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже недосчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
что слезы вымерзли у ленинградцев.

О. БЕРГГОЛЬЦ,
«Февральский дневник»

ПЕРВАЯ блокадная зима была необыкновенно холодной. Город остался без топлива. В трубах замерзла вода и вышла из строя канализация. Остановился транспорт. Свист бомб и грохот разрывов стали постоянными спутниками блокадных ночей. Зарева пожаров 16 тысяч раз осветили ленинградское небо.

И сейчас, через 27—28 лет, в памяти остро и ярко возникают страшные картины первой блокадной зимы. На улицы смотрят окна, то пустые, зияющие, мертвые, то заколоченные фанерой, с трубами от «буржуек», дым которых — свидетель теплющейся еще жизни... Вмерзшие в землю трамваи, оборванные провода... Люди, двигающиеся как в замедленном фильме, с бледными, маскообразными лицами... Люди, как святыню, прижимающие к себе скудный блокадный паек хлеба. Дети с суровым взглядом, с морщинками у рта, разучившиеся улыбаться и играть... И бесконечные саночки с завернутыми в простыни и одеяла легкими трупами ленинградцев...

Люди падают у станков, на улице, не просыпаются утром. Но работа не прекращается, снаряды и танки идут на фронт. Ненависть к врагу, убежденность в окончательной нашей победе, труд во имя победы необыкновенно сплачивает в эту пору людей.

Слепорожденный в первый день прозренья
глядел бы так, с таким же изумленьем,
на все, что знал под именем «весна»!

О. БЕРГГОЛЬЦ,
«Твой путь»

ЛЕНИНГРАДЦЫ борются со слабостью, с болезнями. Весной, когда начинает пригревать солнышко, слабые, опухшие люди с лопатами и ломами выходят на улицы убирать свой город. В осажденном городе, вопреки пророчествам геббельсовской пропаганды, не развивается никаких эпидемий! На лицах людей появляются первые улыбки. Летом на газонах ленинградских садов и скверов пышно разрастается капуста, а ботва корнеплодов выглядит чудесными экзотическими кустами. Ленинградцы лечат цингу настоем из сосновой хвои. Ученые Ботанического института выращивают наперстянку, разрабатывают новые методы ее сушки, пригодные для блокадного города, и обеспечивают Ленинград важнейшим глюкозидом.

За подвигом Ленинграда следит весь мир. Партия руководит героической борьбой, страна делает все, чтобы помочь осажденному городу. Ночью 18 января 1943 года радио передает «В последний час»: блокада прорвана!

Зимой 1942—1943 годов улучшается снабжение Ленинграда, отступает голодная смерть.

Для людей моего поколения эти суровые годы стали годами раннего духовного и гражданского созревания. Многие из девушек (юноши были на фронте), увидев столько боли и страданий, переоценили свое место в жизни и навсегда связали свою судьбу с медициной.

Одним из первых раскрыл свои двери для блокадных студентов наш институт. Прием шел без экзаменов, по аттестатам, по студенческим билетам других вузов. Помню, как испытующе посмотрела на меня председатель комиссии проф. М. И. Хвиливицкая, держа в руках мой филфаковский студенческий билет: «А не разочаруетесь?».

Мы начали свой первый учебный год с разгрузки под артиллерийским обстрелом баржи с дровами для аудитории. Лето было также и торфяной порой. «Торфушки» 1-го ЛМИ добывали торф в Рахье. Это был тяжелый, но необходимый труд.

Поэтесса Вера Инбер, чья блокадная судьба тесно связана с нашим институтом, пишет в своем дневнике: «Профессор о студентах: им надо дрова носить, а они качественным анализом занимаются».

Став студентами 1-го ЛМИ, мы были полны энтузиазма и молодой энергии, хотя нам все еще хотелось есть и обычной одеждой были пропитанный пылью ватник и русские сапоги из брезента.

ОБСТРЕЛЫ продолжались. Дворами, короткими перебежками по улицам по «необстреливаемой» стороне мы иногда в течение 2—3 часов добирались из института домой. Зал Ленина был тогда одной из главных аудиторий. 12 октября 1943 года, лишь только мы вышли из этого зала, начался обстрел. Снаряд попал в «артистическую», рядом с залом Ленина. «Мы пошли туда, когда еще не вполне осела кирпичная пыль, странно изменившая форму комнаты; так, вероятно, бывает после извержения вулкана. В стене зияла пробоина. Единственное, что уцелело, что осталось нетронутым, — это был бюст Ленина на высокой гипсовой подставке. Он только изменил свой цвет от пыли: из белого стал сумрачно-серым. Точно изменился в лице» (В. Инбер).

Но судьба гитлеровских армий под Ленинградом была уже решена. В январе началось наступление на Ленинградском фронте. Прекратились обстрелы. Мы слышали гул, который радостью наполнял наши сердца: то был гул нашей артиллерии.

27 января наступил столь долгожданный для всех ленинградцев день: блокада Ленинграда была снята! Небо озарилось небывалым праздничным фейерверком. Ленинград салютовал войскам Ленинградского фронта. Все ленинградцы в этот вечер были на улицах. Незнакомые люди обнимались и целовали друг друга.

С ЭТОГО дня прошло 25 лет. Но подвиг города на Неве не забыт и вошел в историю народов.

Ассистент Н. ТЕНИГИНА

ЯРЧЕ ЗВЕЗД

ВРЯД ли в истории войн можно найти блокаду большого города, по своей длительности и жестокости подобную блокаде Ленинграда. 900 дней, суровых и голодных, без света, топлива и водопровода, дней, наполненных планомерными (два раза в день) массовыми артиллерийскими обстрелами (на картах противника наш институт значился как объект № 89).

Снаряды очень часто разрывались на территории института, попадая в клинические корпуса и подземные коммуникации нашего двора. Были жертвы. Кто из тех, кто вынес эти блокадные дни, может их забыть!

Но пришел наконец и счастливый день — день снятия блокады с города-героя. Это произошло 27 января 1944 года. В этот день вечером в Белом зале райкома партии шло заседание районного актива, на котором присутствовало много профессоров, преподавателей, сотрудников и студентов 1-го ЛМИ: И. Д. Страшун, М. В. Черноруцкий, М. Д. Тушинский, Н. И. Озерецкий, В. Ф. Ундриц, С. И. Жирмунская, С. П. Иванов, Е. Д. Дмитриева, А. Г. Барабанова, А. И. Дардык, Е. Н. Певзнер, В. В. Семенова (Рогачевская), Д. М. Заславский, Э. Городничева (Федорова), Е. Травчетова, Д. Головин, О. Боброва и многие другие.

В разгаре совещания мы услышали раскаты артиллерийского салюта, и все выбежали из зала в сад и на улицу Скороходова. 324 орудия 24 выстрелами с площади Революции салютовали Ленинграду в честь снятия блокады. Трудно описать чувство ликования и освобождения, охватившее нас. Люди кричали «Ура! Ура!», целовались, плакали от радости, прыгали, бросали шапки вверх. Кто из нас был помоложе, побежал к площади Революции, к Петропавловской крепости, чтобы увидеть первый в Ленинграде настоящий салют и принять участие в общем ликовании. А орудия гремели и гремели, и гул их был победным, торжествующим! Салют был незабываемый; всполохи озаряли небо ярче звезд; мы ведь до тех пор о салютах только слышали по радио, а видеть их из-за затемнения не могли.

Вспоминая этот день, мы неизменно чтим память тех, кто отдал свои жизни для его наступления. Им вечная слава! Мы вспоминаем стойкость тех, кто смог выдержать и пережить то, что казалось невозможным.

А. НАУМЕНКО,
профессор

С высоты прожитого

ЛЕНИНГРАДСКАЯ блокада... Сколько мужества и стойкости потребовала она от населения осажденного города.

Все годы войны наш институт продолжал свою работу.

Небольшая группа оставшихся в Ленинграде профессоров и преподавателей несла всю тяжесть административной, хозяйственной, лечебной, учебной, партийной и общественной работы. Мы находились на казарменном положении и жили на своих кафедрах.

Самым страшным бедствием был голод. Он превратил участок территории института на набережной Карповки в открытое наземное кладбище, где аккуратно рядами клали закутанных в одеяла умерших. Однако ленинградцы мужественно встречали объявления о новом уменьшении продовольственного пайка, который в конце концов снизился до 125 граммов тяжелого, сырого хлеба в день. Чтобы несколько отдалить наступление голодной смерти, председатель местного комитета (автор этой статьи), член парткома Н. Я. Давидович и другие товарищи притащили в помещение кафедры фармакологии койки и организовали стационар для голодающих. В стационаре давали кроме хлеба еще и немного каши, изготовленной из промокшего зерна, извлеченного из затонувших барж, а также съедобные химикалии, раздобытые на кафедрах химии, гигиены и фармакологии.

Несмотря на неимоверно тяжелые условия, коллектив института лечил раненых, тушил зажигательные бомбы, ликвидировал последствия обстрелов и воздушных налетов, оказывал помощь городу и фронту, готовил врачей и медсестер, читал населению и раненым лекции, устраивал концерты. Так, профессор И. Д. Страшун, директор института в годы войны, читал замечательные лекции по международному положению. Его жена — известная поэтесса Вера Инбер — написала, живя в институте, свое знаменитое произведение «Пулковский меридиан». Однажды она обратилась ко мне с просьбой достать ей глобус. И я пошел пешком с Петроградской стороны через замерзшую Неву в центр города, где тогда была моя квартира, и принес ей из дома глобус. В. Инбер прочертила на моем глобусе Пулковский меридиан, который вдохновил ее на создание поэмы.

...И вот наступил первый счастливый день, когда была установлена «Дорога жизни». С этого дня продовольственный паек стал увеличиваться и люди перестали умирать от голода.

А затем пришел и самый счастливый день, когда кончилась война. Тот, кто встретил этот день в Ленинграде, никогда не забудет особой радости, охватившей ленинградцев, атмосферы счастья. Это счастье мы испытывали не только потому, что остались в живых, а потому, что оправдалась наша глубокая вера в победу над фашизмом, в силу и мужество нашей Родины.

И мы были горды тем, что являлись гражданами города, про который хорошо сказала В. Инбер:

«И ежели отныне захотят
Сказать о пролитой бесценной крови,
О мужестве, проверенном стократ,
О доблести, то скажут — Ленинград, —
И все сольется в этом слове».

Профессор М. ПРИВЕС

Редактор Л. НАДЕЖКИН

М-20575 Заказ № 1996
Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.